

Глава 8. Величие учёного мужа

Лю Тяньцзяо был искренне поражён.

— Надо же, какую заботу проявил Янь-гэ! И что, ты приняла подарок?

— Поначалу не хотела, — вздохнула Сюй Цзяоян. — Но он застыл на месте и ни в какую не уходил. А на улице ведь самое пекло. Я побоялась, что его солнечный удар хватит, вот и пришлось забрать утку.

Лю Тяньцзяо даже не нашёл слов в ответ. В этот миг ему стало почти жаль старуху Ли. Все в округе знали, что она — первая скряга в деревне. Эта женщина не то что утку, лишней ломоть мяса к Новому году купить не позволяла.

Если бы она прознала, что её сын тайком таскает из города дорогущее угощение, да ещё и для Цзяоян, которую она терпеть не могла, её бы наверняка ударом хватило.

Шутка ли: фунт свинины стоил восемнадцать вэней, а жареная утка — диковинное лакомство, только вошедшее в моду в городе, — обходилась в добрых шестьдесят, а то и семьдесят монет.

— И что ты сама думаешь о мальчишке Яне?

Старуха Ли, конечно, была той ещё жадиной, но семья её мужа-каменщика жила в достатке. Пусть они и не могли тягаться с домом Сюй Цзяоян, по деревенским меркам считались завидными женихами.

К тому же сам Янь-гэ обучался мастерству в городе: помогал возводить усадьбы и сады для богатых семей, а значит, зарабатывал неплохо. Иначе откуда бы у него взялись деньги на такие подарки? Наверняка откладывал из тех щедрых наградных, что давали господа, и всё втайне от родителей.

Да и собой Янь-гэ был недурён — статный, пригожий. Половина деревенских девчонок по нему вздыхала. Только такая красавица, как Сюй Цзяоян, за которой стояла крепкая семья, могла позволить себе сохранять подобное хладнокровие.

При упоминании парня улыбка Цзяоян слегка померкла.

— Матушка говорит, что хоть он и завидный жених, но мать у него больно уж тяжёлого нрава. Велела мне с ним не знаться.

Лю Тяньцзяо промолчал. Они с Цзяоян дружили с малых лет, и он не мог не заметить затаённую грусть в её глазах.

Обычно она и смотреть не желала на тех, кто пытался тайком подсунуть ей подарки, а тут вдруг «побоялась, что парень перегреется». Видно, и ей он был небезразличен.

Вот только Цзяонян, при всей своей внешней своенравности, была на редкость послушной дочерью. Если родители против — значит, старания Янь-гэ, скорее всего, пойдут прахом.

«Эх, — мысленно вздохнул Лю Тяньцзяо, — сколько же забот у этих девчат. То ли дело я: лишь бы батюшка был здоров, да каждый день на столе стояло что-нибудь вкусненькое — вот и счастье».

Но он ещё не ведал, что у простого люда печали бывают куда глубже.

***

Над деревней разнёсся гулкий звон большого гонга. Взрослые в домах разом притихли, а затем начали тяжело вздыхать; даже дети присмирели, чувствуя общую тревогу. Пришло время платить налоги.

Войны закончились, в рекруты больше не забирали, но поземельный налог и не думал снижаться. На севере платили десятину, а здесь, в южных краях, где земля была плодороднее и давала богатые урожаи, налог был ещё выше — одна восьмая часть.

Казалось бы, не так уж много, но в мирное время и детей рождалось больше. В каждой семье едоков прибавлялось, а земли оставалось столько же.

Надеяться на то, что власти выделят наделы на новорождённых, не приходилось — такие порядки канули в лету сотни лет назад. В нынешние времена, если какой-нибудь важный чиновник не отбирал силой крестьянские поля, это уже считалось верхом справедливости и доброго правления.

Конечно, оставались пустоши. Если не боишься тяжкого труда — иди и распахивай, вот только первые несколько лет урожая с такой земли ждать не стоило.

Лю Лаода часто говаривал, что их края хоть и зовут «краем рыбы и риса», но земли здесь захвачены богатеями да помещиками. Он вспоминал округ Бэйлинь, через который проходил, возвращаясь с войны: там бескрайние просторы пустовали, а дичи в лесах было — не перечесть.

Будучи крестьянином до мозга костей, Лю Лаода не мог без вожделения вспоминать те бесхозные земли. Он сам когда-то пробовал ту почву на ощупь — вязкая, жирная, она обещала небывалые урожаи.

Не решился он там осесть лишь потому, что места были чужие, незнакомые. Но в самые

трудные годы он нет-нет да и заводил разговор о том, что если совсем станет неспособен, то соберут они пожитки и отправятся искать счастья в Бэйлинь.

Лю Тяньцзяо тоже грезил о тех краях. Ну и пусть там лютые холода! Если земля даёт зерно, его всегда можно обменять на деньги. Хорошим местом зовётся то, где можно досыта наесться.

Впрочем, у их округа Линьянь, помимо тесноты, были и свои преимущества.

Здесь пролегали важные торговые пути, кипела жизнь на трактах, и коммерция процветала. Если семья могла скопить немного денег, чтобы обучить сына ремеслу или открыть лавочку, то безбедная жизнь была почти обеспечена.

В крайнем случае можно было наняться в услужение в богатый городской дом. Жить будешь, но положение твоё станет низким, и детям потом будет трудно найти достойную пару для брака.

Но был один верный способ избавиться от налогового гнёта — выучиться и сдать экзамен на учёную степень сюэца.

В годы лихолетья говорили, что от книжников нет никакого проку, а учения Конфуция и Мэн-цзы пылились на полках. Тогда лучшим путём для простолюдина было воинское искусство: пошёл на фронт, выбился в командиры — вот тебе и почёт, и достаток.

Правда, это не касалось обычных крестьян, которых забирали в армию силой. Изнурённые голодом, умеющие только пахать, они дрожали перед любым офицером. Гнать их в бой было всё равно что отправлять на верную смерть.

Но теперь наступил мир, и старый император словно преобразился. Он провозгласил, что именно учёные люди — опора государства. Мол, войны лишь разоряют народ, и только те, кто постиг мудрость канонов, способны править Поднебесной.

«Ещё вчера твердили, что доблестный воин — лучший из мужей, а сегодня всё переменялось. Как же быстро меняются мысли у сильных мира сего!»

Простой народ этих тонкостей не понимал, да и не хотел понимать. Крестьяне знали одно: грамота теперь в цене. Стоит кому-то в семье стать сюэцем, как его освобождают от поземельного налога и трудовой повинности. Вся семья сразу обретает уважение, и никто больше не посмеет назвать их «деревенщиной в лаптях».

В соседней деревне Каошань в этом году как раз один человек получил степень. Люди судачили об этом на каждом углу.

— Говорят, звать его Тянь Чжун, тридцать лет мужику. Я его мельком видел — с лица самый

обычный, нет в нём того величия, что у звёздных старцев в театральных пьесах.

— Да на кой сдалось это величие! — возразил другой. — Вон Вэй Вэнькан из нашего села — и статный, и вид имеет учёный, а до сих пор даже туншэном стать не может.

— Верно. Тут истинный талант нужен. Я слышал, если в доме есть сюцай, то не только от повинностей освобождают, но и налог с пятидесяти му земли платить не надо!

Говорила это Ван Чансю, невестка старосты. Она каждый день слушала рассуждения своего свёкра и считалась среди деревенских женщин особой весьма осведомлённой, чем невероятно гордилась.

— С пятидесяти му?! Пресветлые небеса, это же сколько серебра сберечь можно!

Ван Чансю, наслаждаясь произведённым эффектом, продолжала:

— А если кто захочет свою землю к нему «приписать», чтобы налог не платить, то за каждую му отдаёт сюцаю долю — один к пятнадцати от налога. Вот и считайте.

Собеседница её, не знавшая ни единой цифры, лишь сделала вид, что всё поняла, и важно кивнула:

— Да уж, деньжищи огромные.

Лю Тяньцзяо, который годами помогал отцу в торговле, считать умел быстро. Он прикинул в уме, и у него буквально челюсть отвисла.

«Батюшки, да ведь стать сюцаем — это всё равно что клад найти! Неудивительно, что мать Вэй Вэнькана при жизни была такой заносчивой».

Ван Чансю, видя, как все поражены, добавила последний штрих:

— И это ещё не всё!

Мода на почитание книжников только входила в силу, и простые люди даже не догадывались, какими привилегиями их наделили.

— А что ещё? — не выдержал кто-то.

— Если беда какая случится, сюцай может напрямик к уездному начальнику идти. И перед чиновниками ему кланяться не положено!

Лю Тяньцзяо был потрясён до глубины души. Он каждый день общался на рынке с ямэньскими прислужниками и вечно опасался их обидеть, зная, что правды потом не добьёшься. А сюда, оказывается, может запросто войти к самому главе уезда и не гнуть спину перед стражниками! Значит, вся эта чиновничья братия ему не указ?

Лю Лаода, заметив ошеломлённый вид своего сына, негромко рассмеялся:

— Что, только сейчас понял, как сладко живётся учёным людям?

— Я и представить не мог, что всё настолько серьёзно!

Отец похлопал его по плечу:

— Привилегий много. Но даже если не станешь великим учёным, грамотный человек всегда найдёт себе дорогу. Что бы ты ни затеял, с книжной мудростью в голове ты будешь на голову выше остальных.

Лю Тяньцзяо понимающе кивнул:

— Теперь ясно, почему ты так добр к Вэй Вэнькану.

Лю Лаода напустил на себя суровый вид и шутливо пригрозил пальцем:

— Что за чепуху ты несёшь? Неужто твой отец такой корыстный человек? Я просто вижу, что парень он достойный.

— Ну конечно, конечно, — улыбнулся Тяньцзяо. — Просто он тебе нравится.

***

Разговор прервался с появлением чиновников. Сборщики налогов выглядели свирепо: они обходили мешки с зерном, придирчиво осматривая каждый, а затем принимались пинать их тяжёлыми сапогами. Если зерно внутри оседало, они с криками заставляли крестьян досыпать мешки до самого верха.

Лю Тяньцзяо, который раньше не присутствовал при сдаче налога, недоумевал:

— Но ведь налог считают по весу. Какая разница, полный мешок или нет?

Лю Лаода притянул его к себе и прошептал на ухо:

— Это их уловка. Мешки-то казённые, в каждом должно быть ровно десять доу. Но если прислужники утрамбуют зерно поплотнее, в мешок влезет больше. Всё, что окажется сверх меры, они заберут себе.

Лю Тяньцзяо посмотрел на стражников с нескрываемым отвращением. Если бы не страх навлечь беду на семью, он бы с радостью ответил им тем же — хорошим пинком.

***

После сдачи налога в закромах заметно поубавилось. Крестьяне, чувствуя привычную тревогу перед долгой зимой, старались использовать каждый погожий день: сажали овощи, собирали последние плоды.

Молодые и крепкие мужчины сбивались в группы по три-пять человек и отправлялись в горы на охоту. Осенью зверь нагуливал жир, и если везло подстрелить дикого фазана или зайца, это становилось настоящим праздником для всей семьи.

Лю Лаода в молодости слыл отменным охотником. Поговаривали, что однажды он завалил огромного чёрного медведя и выручил за него целую сотню серебряных лангов — тогда вся деревня от зависти едва не лопнула.

Правда, в те времена он ещё не ушёл на войну и жил в большой семье, так что все деньги забрала старуха Лю. Единственной наградой охотнику стало разрешение съесть в тот день лишнее варёное яйцо.

Теперь же, когда за плечами Лю Лаода была служба в армии и годы работы мясником, он всё ещё оставался крепким и сноровистым мужем. Многие звали его с собой в лес, надеясь на его опыт.

Однако Лю Тяньцзяо стоял на своём: в горы батюшку он не пустит. Он слишком хорошо знал, как опасен лес. Несколько лет назад старый охотник из Каошань встретил на тропе огромного змея; когда его нашли, от бедняги остались лишь обглоданные кости.

Лю Лаода всегда потакал сыну, поэтому спорить не стал. Но в последнее время в голове его зрела одна важная мысль.

Гэ'эр подрастал с каждым днём. Нужно было как можно скорее скопить денег и выкупить лавку в городе. Тогда и мужа для него можно будет подыскать достойного — такого, кто согласится войти в их семью на правах зятя-наследника и обеспечит Тяньцзяо почёт и уважение.